

УДК 94 (47)"1891"

doi: 10.26907/2541-7738.2019.2-3.126-138

**ПРОЕКТ М.Р. КАНТАКУЗИНА-СПЕРАНСКОГО 1891 ГОДА
ПО РЕФОРМИРОВАНИЮ УПРАВЛЕНИЯ ДУХОВНЫМИ
ДЕЛАМИ КРЫМСКИХ ТАТАР**

И.К. Загидуллин

Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ, г. Казань, 420111, Россия

Аннотация

В статье анализируются причины и предпосылки создания в 1891 г. директором Департамента духовных дел иностранных исповеданий Министерства внутренних дел М.Р. Кантакузиным-Сперанским проекта по реформированию управления духовными делами крымских татар, освещаются основные его положения. Отмечается, что проект был составлен в духе политики консервативного национализма правительства Александра III, направленной на сокращение численности духовенства с сохранением над ним и Таврическим магометанским духовным правлением полного правительственного контроля и дальнейшую интеграцию исламских институтов в российское административно-правовое поле. Констатируется, что комплексное обновление управления духовными делами крымских татар не относилось к задачам первостепенной государственной важности, а потому руководство министерства решило поэтапно реализовать только отдельные, наиболее востребованные статьи проекта, но после скоростной кончины М.Р. Кантакузина-Сперанского последовал отказ и от намеченных планов. Другая причина приостановки реализации комплекса мер – политическая лояльность крымских татар к действующему политическому режиму.

Ключевые слова: Таврическое магометанское духовное правление, исламские религиозные институты крымских татар, Департамент духовных дел иностранных исповеданий, М.Р. Кантакузин-Сперанский, модернизация ислама, образование на русском языке, мусульманское духовенство, государственно-исламские отношения

В пореформенный период в правительственных кругах Российской империи была сформирована новая концепция регулирования ислама, которая органически вписалась в этноконфессиональную политику авторитарного режима поздней империи в контексте интеграционных задач и стала ее характерным элементом и важным сегментом. В уставах Таврического (1831), Оренбургского (1857) и Закавказских суннитского и шиитского религиозных управлений (1872) как производные различных моделей управления окраинами и «внутренними окраинами» присутствовали механизмы адаптации религиозных структур и практик с целью интеграции в политико-правовое поле империи. В 60–80-е годы в Таврическом духовном округе произошли существенные изменения и в моделях управления регионом, и в темпах колонизации, в динамике

численности мусульман и исламских институтов. После массовой вынужденной эмиграции крымских татар и ногайцев в начале 1860-х гг. кардинально обновилась этноконфессиональная топография края: в Тавриде оставались только крымские татары и резко уменьшился удельный вес мусульман (к 1897 г. – 13% жителей, или 190 800 человек) (ПВ, с. XI – XII). Оставшиеся бесхозными земли эмигрантов заселялись последователями других вероисповеданий. В 1874 г. было упразднено Новороссийское и Бессарабское генерал-губернаторство – Таврида окончательно превратилась в одну из российских «внутренних губерний», что означало стопроцентное вовлечение данной территории в орбиту либеральных реформ Александра II.

Осмысление исламского дискурса чиновниками происходило в рамках округов духовных управлений. В этой связи в этноконфессиональной политике правительства 70–80-х годов XIX в. в отношении округа Таврического магометанского духовного правления (далее ТМДП) правомерно выделить несколько ключевых направлений.

I направление – «школьное». «Правила о мерах к образованию населяющих Россию инородцев» от 26 марта 1870 г. определили директивные начала школьной политики в отношении мусульман в Казанском и Одесском учебных округах (ПСЗ-2, Т. 45, ч. 1, № 48185), тем самым были установлены правовые основы и механизм распространения образования на русском языке среди мусульман (через открытие правительственных начальных русско-инородческих школ и русских классов при медресе, содержащихся местными обществами).

II направление – «вакуфное». Основные усилия силового министерства были сосредоточены на установлении правительственного контроля над вакуфами мусульманских институтов. Степень напряженности вакуфной проблемы в Крыму определялась усиливающимся кризисом земельных правоотношений в Таврической губернии и дефицитом земель для колонизации края.

Предписание властей Духовному правлению навести порядок в вакуфных земельных правоотношениях в 1868 г. не увенчалось успехом. Фиксирование сведений в новых ведомостях было поручено уездным кадиям, которые не знали русской грамоты и не обладали навыками картографиста и землемера. Как результат, составленные ими списки было невозможно использовать при разбирательствах в судебных инстанциях.

Последняя надежда правительственных кругов по установлению действенного контроля над вакуфами посредством религиозного управления утратила после скоропостижной кончины в 1883 г. таврического муфтия – дворянина Али бея Хункалова, не имевшего религиозного образования, однако с момента утверждения в 1880 г. в должности активно наводившего порядок в работе ТМДП, а также в установлении контроля над недвижимостью религиозных учреждений.

В 1884 г. по инициативе губернской администрации в ТМДП началась ревизия делопроизводства. Выявленные беспорядки и растраты в управлении вакуфами стали причиной создания в 1885 г. Особой Комиссии о вакуфах [1, с. 121–142]. В качестве главных задач нового института были определены проверка наличности вакуфных имуществ и прав на владение ими и разработка проекта положения по управлению крымскими вакуфами. Новый порядок оставил религиозное управление и мусульманское духовенство за бортом системы

управления вакуфами (теперь духовенство пользовалось ими под правительственным контролем), хотя в состав Особой Комиссии о вакуфах номинально были включены два мусульманина, которые назначались самим председателем – светским чиновником.

Новый этап деятельности Комиссии наступил после того, как 5 апреля 1891 г. получили юридическую силу «Временные правила об управлении и заведывании духовными вакуфными имуществами Таврической губернии» [1, с. 143–156]. Все эти вопросы с 1882 г. курировал новый директор Департамента духовных дел иностранных исповеданий (далее ДДДИИ) М.Р. Кантакузин-Сперанский.

III направление – «муфтийское». Одновременно директор ДДДИИ активно курировал дела Оренбургского магометанского духовного собрания (далее ОМДС). В этой связи важно отметить еще одну черту механизма корректировки Министерством внутренних дел ведомственного устройства религиозных институтов. Чиновники использовали имеющиеся в действующем законодательстве издержки для реализации своих планов. Скажем, воспользовавшись отсутствием в законах специального указания о наличии у муфтия религиозного образования, что подразумевалось само собой, в 1865 г. император назначил оренбургским муфтием офицера в отставке дворянина С. Тевкелева. В 1880 г. на том же основании к выборам на должность таврического муфтия был допущен дворянин без религиозного образования Али бей Хункалов.

После скоропостижной кончины Али бея Хункалова у правительства на примете не оказалось достойного кандидата на должность председателя Духовного правления. «Час истины» для ДДДИИ наступил 20 августа 1883 г., когда на выборах нового муфтия большинство голосов набрал Абдуveli мурза Карашайский. Победивший кандидат в это время судился с религиозным управлением по поводу своих владений, которые ТМДП считало вакуфными. Абдуveli мурза Карашайский оказался нежелательной публичной фигурой для правительства, посему под предлогом недопустимости проведения выборов муфтия в рабочее время власти аннулировали их результаты. Повторные выборы были назначены на 24 октября 1884 г. Однако вновь, на этот раз уже под другим предлогом – включения в список избирателей лиц, не имеющих права голоса, а в действительности с целью недопущения повторного избрания Абдуveli мурзы Карашайского – эти выборы также были объявлены несостоявшимися [2, с. 186–187].

Затем 2 января 1886 г. последовало увольнение с должности привлеченного к суду за различные правонарушения кади-эскера Сеита Якуба, который, будучи помощником муфтия, временно исполнял обязанности председателя ТМДП. В нарушение действующего законодательства МВД возложило временное исполнение обязанностей кади-эскера, следовательно, и обязанностей муфтия, на мударриса Абдула Керима эфенди, который не являлся членом ТМДП. В конце 1887 г. крымско-татарская общественность готовила ходатайство о назначении новых выборов муфтия, которые так и не были проведены. Таким образом, с 1883 г. ДДДИИ целенаправленно препятствовал попыткам крымско-татарского сообщества избрать таврического муфтия, эта должность оставалась вакантной, и обязанности председателя ТМДП исполняли кади-эскеры [2, с. 186–189]. Обезглавленность религиозного управления и паралич духовной

власти в Крыму создавали благоприятные условия для деятельности Особой Комиссии о вакуфах.

Символично, что вслед за законом «Об изменении существующего порядка выбора членов в Оренбургское магометанское духовное собрание» от 11 января 1890 г. (ПСЗ-3, т. 10, ч. 1, № 6521), согласно которому право духовенства Казанской губернии по выбору заседателей делегировалось председателю религиозного управления, 27 мая 1891 г. был принят закон об изменении порядка избрания таврического муфтия и кади-эскера [2, с. 189], лишивший такого же права и крымско-татарское сообщество.

IV направление – «Наследственное» крымско-татарское духовенство». Обособленная корпоративная группа мусульманского духовенства Тавриды оформилась указом Екатерины II от 17 сентября 1796 г. [3, с. 16–18], когда получила льготы от налогов и повинностей; ее привилегированный статус и монополия на замещение духовных должностей были подтверждены «Положением о Таврическом магометанском духовном правлении и порядке отправления подлежащего ведению его дел» от 23 декабря 1831 г. (ПСЗ-2, т. 6, ч. 2, № 5034, § 6, 7, 48, 49). В последней трети XIX в. это обстоятельство создавало проблемы в государственно-исламских отношениях:

1) В результате движений мухаджиров конца XVIII – второй трети XIX в. резко сократилась численность представителей духовной сословной группы; поэтому на приходские должности мусульмане начали избирать представителей податных сословий.

2) Правительственные круги болезненно реагировали на привилегированный статус крымско-татарского духовенства; в министерских кабинетах обсуждалось высокое правовое положение мусульманского духовенства Тавриды, не соответствующее статусу ислама как одной из «терпимых» конфессий империи. Со ссылкой на округ ОмДС министр внутренних дел А.Е. Тимашев 3 мая 1875 г. инициировал законопроект по отмене «наследственного» статуса крымско-татарского духовенства. Однако принятие окончательного решения было отложено из-за осложнения международной обстановки на Балканах и Русско-турецкой войны 1877–1878 гг. (РД, л. 151 об.–152).

3) Из-за дефицита духовных кадров в Таврической губернии установилась негласная практика избрания местными религиозными обществами на духовные должности лиц, не имеющих права занимать приходские должности. Таврические губернаторы постоянно сигнализировали о нарушении действующего законодательства, но ничего не могли сделать с этим «обычным правом», обеспечивающим соблюдение религиозных прав мусульманского населения.

Рассмотренный материал позволяет утверждать, что в 1891 г. директор ДДЦИИ был настроен на активную работу. Этот год стал пиком законодательской активности департамента по регламентации важнейших аспектов социальной жизни крымских татар. Более того, выяснилась необходимость реформирования управления духовными делами мусульман края согласно современным требованиям на основе комплексного подхода.

М.Р. Кантакузин-Сперанский¹, будучи руководителем головного имперского учреждения, курирующего неправославные конфессии, предсказуемо проектировал реформу в духе этноконфессиональной политики самодержавия, которая была направлена на максимальную децентрализацию религиозного учреждения, сокращение численности духовенства с сохранением над ним полного правительственного контроля [5, с. 23].

«Комплексный подход» М.Р. Кантакузина-Сперанского не был его изобретением. Еще при директоре ДДДИИ графе Э.К. Сиверсе (1856–1876) появился план унификации управления суннитскими религиозными институтами в округах ТМДП и ОМДС с ориентиром на нормы жизнедеятельности последнего, потому что система религиозных институтов в Крыму сохраняла «родимые пятна» архаичных государственно-исламских отношений ханской эпохи. Подходя творчески, М.Р. Кантакузин-Сперанский развил эту идею, включив в свою концепцию реформы «Положение об управлении Закавказского мусульманского духовенства суннитского учения» 1872 г.

Итак, директор департамента в записке от 2 сентября 1891 г. за № 4909 предложил министру внутренних дел И.Н. Дурново (1889–1895) провести реформу управления духовными делами мусульман Таврической губернии (Р, л. 17–23 об.). Во главу угла своей концепции М.Р. Кантакузин-Сперанский положил идею унификации структуры исламских институтов и самого ТМДП, ориентируясь на уставы Оренбургского и Закавказского религиозных управлений мусульман-суннитов, и реформирования конфессиональной системы крымских татар наподобие Волго-Уральского региона и Закавказья.

Особенность идеи М.Р. Кантакузина-Сперанского заключалась в том, что, признавая специфику в управлении крымскими вакуфами, чиновник во всем остальном практически начисто отвергал особенности крымско-татарских религиозных институтов. Иначе говоря, планировалось трансформировать организационное устройство исламских институтов крымских татар, за исключением вакуфов. Важно отметить, что, если устав ОМДС в 1857 г. создавался как производное от «Положения о Таврическом магометанском духовном правлении и порядке отправления подлежащего ведению его дел» от 23 декабря 1831 г., то теперь в оценке высокопоставленного чиновника они менялись местами. Как будет показано далее, по целому ряду параметров, характеризующих религиозное правление, образцом становилось ОМДС. С учетом введения нескольких статей из «Положения об управлении Закавказского мусульманского духовенства суннитского учения» от 5 апреля 1872 г. устав ТМДП превращался в «гибридный» нормативный акт и практически полностью, за исключением «Временных правил об управлении и заведывании духовными вакуфными имуществами Таврической губернии» от 5 апреля 1891 г., потерял свою самобытность. Наглядным примером подобного подхода следует назвать предложение директора департамента об упразднении должности кади-эскера, помощника

¹ Министр народного просвещения граф Д.А. Толстой познакомился с 28-летним молодым человеком в Одессе в 1876 г. и пригласил на работу в Санкт-Петербург. После отставки графа с поста министра в 1880 г. М.Р. Кантакузин-Сперанский покинул учебное ведомство и начал трудиться у князя А.А. Ливена в Министерстве государственных имуществ. Став министром внутренних дел, Д.А. Толстой вновь позвал к себе своего бывшего сослуживца. С 1882 г. М.Р. Кантакузин-Сперанский – директор ДДДИИ [4, с. 70, 92, 94].

таврического муфтия (п. 1) (Р, л. 20 об.), со ссылкой на отсутствие в составе обоих управлений такой должности.

В целом структура ТМДП становилась идентичной ОМДС: Духовное правление состояло из председателя и трех кадиев (членов), которые назначались министром внутренних дел по представлению муфтия на 3 года (п. 2) (Р, л. 20 об.). Как видим, происходило усиление единоначалия таврического муфтия, который формировал собственную «команду», тогда как ранее симферопольский уездный кадий и кади-эскер – постоянные члены ТМДП – избирались мусульманами и не зависели напрямую от председателя Духовного правления. Такая реформа была ответом на многочисленные жалобы губернской администрации на серьезные проблемы в ведении делопроизводства в стенах Духовного правления. Усиление единоначалия председателя создавало условия для улучшения деятельности ТМДП. Правда, заместитель председателя утверждался местным губернатором (в Закавказском религиозном управлении – кавказским наместником (ПЗ, ст. 20)) из числа избранных муфтием членов Духовного правления (п. 1, 2). С другой стороны, лишение мусульман права избирать членов ТМДП трансформировало религиозное управление из правительственно-крымско-татарского института в чисто правительственное учреждение, чем нарушалась целостность религиозно-культурной автономии крымских татар.

М.Р. Кантакузин-Сперанский рекомендовал упразднить должности Феодосийского, Перекопского, Евпаторийского и Ялтинского уездных кадиев – постоянных членов Духовного правления (п. 3) (Р, л. 20 об.). Уездные кадии, по мнению чиновника, не имели точно определенных обязанностей, за исключением разбора некоторых спорных дел. Реформа означала ликвидацию среднего звена системы управления исламскими институтами в Таврической губернии и введение административной модели округа ОМДС (духовное управление – приходское духовенство). Она, несомненно, ослабляла влияние ТМДП и на мусульманское духовенство, и на приходы, и на религиозно-культурную автономию крымских татар в целом. Поэтому данное новшество правомерно рассматривать в связке с предложениями, направленными на изъятие ряда полномочий мусульманского духовенства и самого религиозного управления с последующей передачей их компетенций правительственным институтам. Во-первых, это – запланированное ограничение применения норм шариата при разделе наследства и имущества мусульман, эта сфера переходила к гражданским судебным учреждениям. Такая практика имела место в Закавказье. Во-вторых, ограничение судопроизводственной компетенции самого религиозного управления вопросами веры и правонарушениями в духовной сфере (п. 4) (Р, л. 21). Это же правило распространялось и на административную практику вынесения Духовным правлением решений по служебным правонарушениям духовенства: указанная компетенция переходила таврическому губернатору, а за ТМДП закреплялось только преследование духовенства за проступки по должности (п. 11) (Р, л. 22–22 об.) В-третьих, на повестку ставился вопрос установления «по возможности» правительственного надзора за мектебами и медресе (п. 13) (Р, л. 22 об.). Здесь явно имелась в виду практика с мусульманскими школами в волго-уральских губерниях округа ОМДС, которые с 1874 г. находились в ведении Министерства народного просвещения.

В русле усиления правительственного контроля над деятельностью религиозного управления и мечетских служителей следует оценивать распространение закавказской административной практики (ПЗ, ст. 46, 24) запрещения духовенству Тавриды обращаться без разрешения гражданского начальства к иностранным духовным лицам за наставлениями и разъяснениями, высылать заграничным исламским учреждениям пожертвования (п. 12) (Р, л. 22 об.), а также введение в практику назначения мулл губернатором вместо губернского правления (п. 6) (Р, л. 21 об.).

«В видах ограничения вредного влияния на татарское население Крыма многочисленного духовенства различных званий» директор ДДДИИ предложил уменьшить их число, приведя в соответствие с правилами, действующими в Закавказском духовном округе (п. 8) (Р, л. 21 об.–22). Это означало упразднение в составе крымско-татарского приходского духовенства всех признаваемых властями духовных званий и должностей (хатибы, имамы, муадзины, мударрисы, гочи, начальники текий – шейхи, ферраши). Если в округах ОМДС и ТМДП при каждой соборной мечети полагались 3 штата: хатиб, имам, муадзин, а при пятивременной мечети – 2: имам, муадзин (УТ, прим. к ст. 1393), то в Закавказском духовном округе каждому приходу (мечети) – по одному мулле, а в соборных мечетях (джума-мечеть) в крупных поселениях – несколько мулл, по одному на каждые 150–200 дворов, но не более пяти (ПЗ, прим. к ст. 25).

В качестве компенсации за сокращение численности духовных лиц местным обществам разрешалось «заменять их лицами по своему усмотрению, без причисления к ним каких-либо прав по закону». Предлагалось в духовном звании «с местными правами признавать» только лиц, находящихся на службе, а также и тех, которые оставили службу за увечьем или со старостью, по прослужении без замечаний не менее 20 лет (п. 9) (Р, л. 21 об.–22). Здесь налицо обращение М.Р. Кантакузина-Сперанского к административной практике в Закавказском духовном округе (ПЗ, ст. 30, 33).

М.Р. Кантакузин-Сперанский высказался за упразднение в стенах Духовного правления испытания по основам исламского вероучения (п. 7) (Р, л. 21 об.). Право определения познаний кандидатов в муллы передавалось местным обществам: в округе ТМДП внедрялась качественно новая модель, которая отсутствовала в остальных двух духовных округах мусульман-суннитов. В данном случае чиновник хотел придать силу закона уже сложившейся в Крыму в этой сфере практике. Для «наследственного» привилегированного духовенства такой экзамен был не актуален. Из-за недостатка представителей «наследственного» духовенства во многих мечетях духовные должности исполнялись лицами, избранными приходами, но не имеющими по закону права занимать эту должность (РБ, л. 86 об.).

Избрание обществом духовного лица одновременно означало согласие с уровнем его религиозных познаний. В результате ТМДП выпадало не только из системы определения на духовные должности (оставались: общество прихода, полиция и губернатор). Как видно, правительство полностью самоотстранялось от проверки знаний кандидатов в муллы, считая это внутренним делом прихода, но сохраняло при этом за собой контроль над их политической благонадежностью. Новшество наглядно свидетельствовало об устоявшихся принципах организации

работы правительства Александра III, которое повышение качественного уровня мусульманского духовенства путем проведения испытаний в правительственном учреждении, каковым являлось ТМДП, считало противоречащим интересам православного государства.

Упраздняя требование к наличию религиозных знаний, М.Р. Кантакузин-Сперанский вводил русский образовательный ценз (знание русской разговорной речи и чтение) для кандидатов в муллы, а для членов Духовного правления с 1896 г. – свидетельство об окончании курса городского училища (п. 7) (Р, л. 21 об.). Тем самым чиновник распространял русский образовательный ценз для кандидатов на должности мулл, который был с 1 января 1891 г. введен в округе ОМДС (ПСЗ-3, т. 10, ч. 1, № 7120), на крымских татар. К этому времени знание русской грамоты стало обязательным для кандидатов на духовные должности всех признаваемых в империи конфессий [6, с. 125], являлось объективно прогрессивным, облегчало им выполнение служебных обязанностей и взаимодействие с властями. Однако получался явный перекосяк: приоритетным становилось знание кандидатом на должность муллы государственного языка, а его религиозные знания вовсе не принимались во внимание.

Некоторые рекомендации М.Р. Кантакузина-Сперанского разрабатывались с учетом реальной этнодемографической и религиозной ситуации в регионе. Прежде всего, это отмена наследственности крымско-татарского духовенства (п. 5) (Р, л. 21), о чем неоднократно просили сами крымские татары. Здесь автор проекта, несомненно, апеллировал к государственно-исламским отношениям в Оренбургском и Закавказском округах (ПЗ, прим. к ст. 24), в которых такая привилегия у мулл отсутствовала.

При этом запрещалось избрание приходами «более фанатичных» мусульман из Волго-Уральского региона. «При наследственности духовенства, многие из его членов, не исполняя в сущности никаких обязанностей, и будучи освобождены по их званию от податей и повинностей, не только не приносят пользы магометанскому обществу, но даже служат ему явно отягощением, что за недостатком кандидатов из духовного сословия, некоторые мечети, оставаясь без служителей, обзавелись уже служителями из других сословий, чем фактически обходится действующий закон», – писал автор проекта (п. 6) (Р, л. 21–21 об.).

Также заслуживают внимания рекомендации чиновника о критериях потребности религиозных институтов в приходах. Действующий норматив в 200 наличных душ мужского пола должен был быть уменьшен с целью предоставления возможности жителям маленьких поселений иметь молитвенный дом, и введены новые критерии постройки богослужебных зданий в многолюдных городских общинах, потому что действующие правила давали «возможность многолюдным городским обществам иметь много мечетей и духовенства, превышающую в них надобность» (п. 10) (Р, л. 22). Таким способом автор проекта распространял на округ ТМДП дифференцированный подход администрации Закавказья (ПЗ, ст. 17). По итогам исследования действительной надобности в мечетях губернатору предлагалось утвердить нормативы, согласовав их предварительно с Духовным правлением (Р, л. 21 об.).

Только одно из 14 предложений директора Департамента духовных дел имело отношение к исламским институтам Западных губерний, номинально

входившим в округ ТМДП. Принимая во внимание, что литовско-польские татары более интегрированы в русское культурное поле, «менее фанатичны, чем крымские магометане», предлагалось изъять их мулл из ведения Духовного правления и подчинить гражданскому управлению, как в Туркестанском крае (п. 14) (Р, л. 22 об.–23).

Реализация проекта М.Р. Кантакузина-Сперанского по реформированию системы управления духовными делами мусульман в округе ТМДП была равнозначна составлению новой редакции его устава.

Учитывая комплексный и кардинальный характер своих рекомендаций, М.Р. Кантакузин-Сперанский высказался за командировку в Симферополь в качестве эксперта чиновника по особым поручениям при министре В.В. Вашкевича. «По собрании сведений в местных архивах и других компетентных лиц необходимых сведений и ознакомления с тамошними магометанскими духовными учреждениями вообще» В.В. Вашкевич был призван выяснить с точностью вопрос, насколько проектируемые нововведения соответствуют потребностям местного населения и будут успешно реализованы (Р, л. 23 об.). По итогам трехмесячной поездки В.В. Вашкевич одобрил все пункты проекта реформы, посчитав возможным безболезненно реализовать их в среде крымских татар [7, с. 16–18].

Однако, несмотря на такое положительное заключение, в дальнейшем МВД ограничилось локальным законотворчеством. На наш взгляд, здесь сыграло роль мнение известного своими консервативными взглядами министра И.Н. Дурново о соблюдении с точки зрения государственных интересов пошагового принципа решения наиболее востребованных вопросов. В результате, было решено ограничиться отменой «наследственности» мусульманского крымско-татарского духовенства (РД).

На обращения МВД в мае 1893 г. от министра юстиции (РГ), в августе от Министерства финансов (РА), в ноябре 1893 г. от земского отдела МВД (РВ) поступили положительные экспертные заключения. Из этих документов явствовало, что новые принципы налогообложения пореформенного периода практически лишили крымско-татарское духовенство привилегированного статуса. Льготы сохранялись только за несколькими несущественными налогами, собираемыми по подушному принципу. Выяснилось, что с точки зрения правительственных интересов планируемое новшество потеряло актуальность. Другой причиной неприятия согласованного со всеми необходимыми центральными ведомствами законопроекта стали сильная простуда директора ДДДИИ осенью 1893 г. и его прогрессирующая болезнь. В начале января 1894 г. тяжело больной М.Р. Кантакузин-Сперанский с супругой выехал на лечение в маленький курортный городок Аркахон на западном побережье Франции, где 25 марта скоропостижно скончался в возрасте 47 лет [4, с. 112–113].

Из всего рекомендованного М.Р. Кантакузиным-Сперанским правительство ограничилось утверждением 24 мая 1904 г. нового штатного расписания ТМДП. Отныне на содержание кади-эскера было определено 1000 руб. в год, симферопольского уездного кадия – 800 руб., остальных уездных кадиев и переводчика – по 600 руб., секретаря (VII класс) – 1000 руб. На нужды канцелярии были выделены

значительные средства (2400 руб.), которые должны были существенно улучшить ведение делопроизводства (ПСЗ-3, т. 24, ч. 1. № 24619).

Реализация остальных предложений М.Р. Кантакузина затянулась. Власти не видели серьезных оснований для их осуществления. В этой ситуации сыграла важную роль принципиальная позиция общественных лидеров крымских татар. По инициативе И. Гаспринского и его сторонников 27 января 1912 г. был принят закон «О допущении к занятию мусульманских духовных должностей при мечетях округа Таврического магометанского духовного правления лиц всех сословий» (ПСЗ-3, т. 32, ч. 1, № 36482), согласно которому всем без исключения мусульманам дозволялось занимать духовные должности, сохраняя привилегии «наследственного» духовенства.

Спустя 20 с лишним лет МВД возобновило вопрос о правомочности причисления феррашей к приходскому духовенству. Ответ таврического губернатора, что ферраши не участвуют в совершении богослужения и исполнении треб, а являются сторожами и хозяйственными работниками при мечетях, сыграл ключевую роль в изъятии их из списка мусульманского духовенства округа ТМДП в 1913 г. [2, с. 154–155].

Итак, рассмотренный материал позволяет оценивать проект реформы М.Р. Кантакузина-Сперанского 1891 г. как реликт эпохи консервативного национализма периода правления Александра III, направленный на ослабление позиций ислама в среде крымских татар и усиление контроля над мусульманскими институтами. Проект не исчерпывал сущности конфессиональной политики правительства Александра III и содержал ряд конструктивных идей, реализация которых пошла бы на пользу и крымско-татарскому сообществу, и властным структурам.

Как было рассмотрено, некоторые из указанных вопросов, как требующие разрешения, уже находились «на примете» силового ведомства. Скажем, в 1875 г. МВД составляло законопроект по упразднению привилегированного «наследственного» крымско-татарского духовенства. Передача конфессиональных школ ТМДП в компетенцию Министерства народного просвещения и введение русского образовательного ценза для кандидатов на должности мулл были мерами, которые уже действовали в округе ОМДС и теперь явились внешними маркерами степени интеграции исламских институтов в российское социокультурное пространство.

Распространение целого ряда положений устава Закавказского суннитского духовного правления, предполагающих усиление государственного контроля над духовенством, объясняется приграничным положением края.

Несколько предложений М.Р. Кантакузина-Сперанского правомерно квалифицировать как стремление прекратить нарушение российских законов в Таврической губернии и придать силу закона установившимся в среде крымских татар порядкам, например, практике назначения обществами на духовные должности лиц податного сословия вследствие острого дефицита представителей «наследственного» духовенства. Автор также высказался за прекращение формальной подведомственности исламских институтов в Западных губерниях ТМДП и подчинение их местным губернским властям.

По нашему мнению, отсутствие острой необходимости комплексного обновления управления духовными делами крымских татар обусловило решение руководства министерства реализовать поэтапно только отдельные, наиболее востребованные властями статьи проекта, а скоростная кончина М.Р. Кантакузина-Сперанского привела к отказу и от намеченных планов. Трудно сказать, насколько повлияла на эти события смерть императора Александра III 20 октября 1894 г. В целом центральная власть оставалась верной негласному правилу: решать проблемы по мере их поступления и необходимости.

Другой, не менее важной причиной приостановки реализации комплекса мер, направленных, главным образом, на интеграцию исламских институтов в российское административно-правовое поле, явилось социальное поведение крымских татар, которые демонстрировали политическую лояльность к действующему режиму.

Источники

- УТ – О управлении духовенства, принадлежащего к округу Таврического магометанского духовного правления. Изд. 1896 г. // Свод законов Российской империи (СЗРИ). – Т. XI, ч. 1. – 1345–1415 ст.
- ПЗ – О управлении Закавказского мусульманского духовенства суннитского учения // О управлении Закавказского мусульманского духовенства шиитского и суннитского учений. Изд. 1896 г. // СЗРИ. – Т. XI, ч. 1. – 1558–1672 ст.
- ПВ – Первая всеобщая перепись населения Российской империи 1897 г. – СПб., 1904. – Т. XLI: Таврическая губерния. – XXVI, 310 с.
- ПСЗ-2 – Полное Собрание Законов Российской империи: Собрание второе: [С 12.12.1825 г. по 28.02.1881 г.]: в 55 т. – СПб.: Тип. 2 Отд-ния Собств. Е. И. В. Канцелярии. – Т. 6, ч. 2. – 1832. – № 4780–5052; Т. 45, ч. 1. – 1874. – № 47862–48529.
- ПСЗ-3 – Полное Собрание Законов Российской империи: Собрание третье: [С 1.03.1881 г. по 1913 г.]: в 33 т. – СПб; Пг.: Гос. тип. – Т. 10, ч. 1. – 1895. – № 6505–7339; Т. 24, ч. 1. – 1904. – № 23839–25604; Т. 32, ч. 1. – 1915. – № 36391–38602.
- Р – Отношение директора Департамента духовных дел иностранных исповеданий МВД М.Р. Кантакузина-Сперанского от 2 сент. 1891 г. за № 4906 // Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 821. Оп. 8. Д. 625. Л. 17–23 об.
- РА – Отношение министра финансов от 17 авг. 1893 г. за № 2446, адресованное министру внутренних дел // РГИА. Ф. 821. Оп. 8. Д. 565. Л. 157–158.
- РБ – Отношение таврического губернатора, адресованное директору Департамента духовных дел иностранных исповеданий Министерства внутренних дел, от 11 янв. 1892 г. за № 149 // РГИА. Ф. 821. Оп. 8. Д. 565. Л. 86–87 об.
- РВ – Отношение земского отдела МВД от 29 нояб. 1893 г. за № 14323, адресованное в Департамент духовных дел иностранных исповеданий // РГИА. Ф. 821. Оп. 8. Д. 565. Л. 171–173.
- РГ – Отношение министра юстиции, адресованное министру внутренних дел, от 12 мая 1893 г. за № 12511 // РГИА. Ф. 821. Оп. 8. Д. 565. Л. 156.
- РД – Отношение министра внутренних дел, адресованное министру юстиции, от 12 апр. 1893 г. за № 1227 // РГИА. Ф. 821. Оп. 8. Д. 565. Л. 138–153.

Литература

1. *Конкин Д.В.* Вакуфное землевладение в Крыму в конце XVIII – начале XX вв.: Дис. ... канд. ист. наук. – Симферополь, 2013. – 245 с.
2. *Бойцова Е.В., Ганкевич В.Ю., Муратова Э.С., Хайрединова З.З.* Ислам в Крыму: Очерки истории функционирования мусульманских институтов. – Симферополь: Элиньо, 2009. – 432 с.
3. *Киреенко Г.К.* О прошениях депутатов Таврической области на высочайшее имя в 1796 году и высочайшем указе 17 сентября 1796 года // Изв. Тавр. учен. арх. комис. – 1897. – № 2. – С. 9–19.
4. *Кантакузин-Сперанский М.С.* Сага о Кантакузинных-Сперанских / Пер. с англ. Д. Налепиной. – М.: Рос. фонд культуры: Рос. архив, 2004. – 368 с.
5. *Ганич А.А.* Введение // Духовные правления мусульман Закавказья в Российской империи (XIX – начало XX в.): документы. – М.: Изд. дом Марджани, 2013. – С. 13–30.
6. *Загидуллин И.К.* Татарское национальное движение в 1860–1905 гг. – Казань: Тат. кн. изд-во, 2014. – 423 с.
7. Мусульманское духовенство Таврической губернии в конце XIX века: рапорт В.В. Вашкевича: Сб. документов / Сост., авт. предисл. И.К. Загидуллин. – Казань: Глав. арх. управл. при КМ РТ, 2016. – 200 с.

Поступила в редакцию
12.03.19

Загидуллин Ильдус Котдусович, доктор исторических наук, доцент, заведующий отделом новой истории

Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ
ул. Багурина, д. 7, г. Казань, 420111, Россия
E-mail: zagik63@mail.ru

ISSN 2541-7738 (Print)
ISSN 2500-2171 (Online)

UCHENYE ZAPISKI KAZANSKOGO UNIVERSITETA. SERIYA GUMANITARNYE NAUKI
(Proceedings of Kazan University. Humanities Series)

2019, vol. 161, no. 2–3, pp. 126–138

doi: 10.26907/2541-7738.2019.2-3.126-138

**M.R. Kantakuzin-Speransky's Project of 1891 on Reforming
of Spiritual Affairs Management of the Crimean Tatars**

I.K. Zagidullin

Marjani Institute of History, Tatarstan Academy of Sciences, Kazan, 420111 Russia
E-mail: zagik63@mail.ru

Received March 12, 2019

Abstract

The reasons and prerequisites of drawing up the project on reforming of the spiritual affairs management of the Crimean Tatars in 1891 by M.R. Kantakuzin-Speransky, the head of the Department of Spiritual Affairs of Foreign Confessions of the Ministry of Internal Affairs, were analyzed. The principles of the reform realization were considered. Its basic provisions were covered. It was noted that the project was created

and influenced by the conservative nationalism of Alexander III's rule aimed to reduce the size of the clergy institution and to establish complete government control over it and the Taurian Mohammedan spiritual board with subsequent integration of the Islamic institutes into the Russian administrative legal framework. Interestingly, the complex revision of the spiritual affairs management of the Crimean Tatars was not highly prioritized by the state and, therefore, the Ministry decided to realize step by step only some most relevant articles of the project. Following the sudden death of M.R. Kantakuzin-Speransky, the plans were dropped. Another reason for holding up the realization of the measures was the social behavior of the Crimean Tatars who were political loyal to the political regime of that time.

Keywords: Taurian Mohammedan spiritual board, Islamic religious institutes, Department of Spiritual Affairs of Foreign Confessions, M.R. Kantakuzin-Speransky, modernization of Islam, education in Russian language, Muslim clergy, state and Islamic relations

References

1. Konkin D.V. Endowment land ownership in the Crimea during the late 18th – early 20th centuries. *Cand. Hist. Sci. Diss.* Simferopol, 2013. 245 p. (In Russian)
2. Boitsova E.V., Gankevich V.Yu., Muratova E.S., Khaierdinova Z.Z. *Islam v Krymu: Ocherki istorii funktsionirovaniya musul'manskikh institutov* [Islam in Crimea: Essays on the History of Muslim Institutions Functioning]. Simferopol, Elin'о, 2009. 432 p. (In Russian)
3. Kireenko G.K. On the petitions of deputies of the Taurida Region to the highest name in 1796 and the highest decree of September 17, 1796. *Izvestiya Tavricheskoi Uchenoi Arkhivnoi Komissii*, 1897, no. 2, pp. 9–19. (In Russian)
4. Kantakuzin-Speransky M.S. *Saga o Kantakuzinykh-Speranskikh* [A Saga about the Kantakuzin-Speransky Family]. Moscow, Ross. Fond Kul't., Ross. Arkhiv, 2004. 368 p. (In Russian)
5. Ganich A.A. Introduction. In: *Dukhovnye pravleniya musul'man Zakavkaz'ya v Rossiiskoi imperii (XIX – nachalo XX v.): dokumenty* [Spiritual Governance of Muslims in the Transcaucasian Region of the Russian Empire (19th – Early 20th Centuries): Documents]. Moscow, Izd. Dom Mardzhani, 2013, pp. 13–30. (In Russian)
6. Zagidullin I.K. *Tatarskoe natsional'noe dvizhenie v 1860–1905 gg.* [Tatar National Movement in 1860–1905]. Kazan, Tatar. Kn. Izd., 2014. 423 p. (In Russian)
7. *Musul'manskoe dukhovenstvo Tavricheskoi gubernii v kontse XIX veka: raport V.V. Vashkevicha: Sb. dokumentov* [Muslim Clergy of the Taurida Governorate in the Late 19th Century: V.V. Vashkevich's Report: A Collection of Documents]. Kazan, Glav. Arkh. Upravl. pri KM RT, 2016. 200 p. (In Russian)

Для цитирования: Загидуллин И.К. Проект М.Р. Кантакузина-Сперанского 1891 года по реформированию управления духовными делами крымских татар // Учен. зап. Казан. ун-та. Сер. Гуманит. науки. – 2019. – Т. 161, кн. 2–3. – С. 126–138. – doi: 10.26907/2541-7738.2019.2-3.126-138.

For citation: Zagidullin I.K. M.R. Kantakuzin-Speransky's project of 1891 on reforming of spiritual affairs management of the Crimean Tatars. *Uchenye Zapiski Kazanskogo Universiteta. Seriya Gumanitarnye Nauki*, 2019, vol. 161, no. 2–3, pp. 126–138. doi: 10.26907/2541-7738.2019.2-3.126-138. (In Russian)